

Дано судьбой

В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

«В чем смысл жизни?» — такую записку вдруг получил я, выступая во Дворце молодежи на Петроградской стороне, на вечере, организованном ленинградским телевидением. Вопрос труднейший, глобальный. Может быть, самый главный и мучительный из всех вопросов, над которыми веками бились лучшие умы человечества. Можно ли ответить на него в нескольких словах да еще импровизированно? Не лучше ли отмолчаться или отшутиться? Нет. Мне кажется, любой из нас в любую минуту своей жизни должен быть готов в меру своих сил ответить на этот вопрос. Сегодня я отвечаю на него так: природа создавала человека миллионы лет, давайте же уважать эту работу! Проживем жизнь с достоинством, поддерживая все созидательное и противостояя всему разрушительному, что есть в жизни! Это, разумеется, не полный ответ, но, во всяком случае, приближение к нему.

Если говорить откровенно, вопрос о смысле жизни не был таким уж неожиданным. Он по-своему логично вытекал из всего диалога с аудито-

рией, хотя и начал я его с разговора о предмете сравнительно узком и специальном: о древнерусской литературе, являющейся главной сферой моих научных интересов.

Не могу не вспомнить, как началось мое знакомство с ней. Шел 1923 год. На первую из объявленных лекций в одну из аудиторий главного здания университета — ту самую, между прочим, где читал свои лекции Н. В. Гоголь, — пришли всего два слушателя, я был одним из них. Третьим был профессор с саквояжем книг. Так было и в следующий раз. И на третий. Профессор как ни в чем не бывало читал свой курс. Хотя собственно истории древнерусской литературы — в нынешнем понимании этого слова — тогда еще не было. Ее предстояло создать.

А сегодня мы наблюдаем бурный рост интереса к древнерусской литературе и искусству. В том же ленинградском Дворце молодежи предомной был полный зал! В чем причина этого интереса? Такой вопрос задают мне нередко, да я и сам задаю его себе. И отвечаю: это явление не случайное, знаменательное, тем более что наблюдается оно не только у нас. Оно отражает естественное стремление человека к устойчивости, стабильности своего существования на земле. В Америке молодые ребята поют старинные «переселенческие» песни. Жители Австралии вспоминают имена своих ирландских и шотландских предков. И вообще генеалогические изыскания перестали быть привилегией аристократов. Своими предками и пращурами стали интересоваться люди самого широкого круга. Мне рассказывали, что одна

семья в Сибири восстановила имена своих предков до восьмого колена. Кто же были эти люди? Крестьяне и рабочие, простые русские люди. Но разве они не достойны памяти?

Как мы видим, возрос интерес не только к Древней Руси и ее литературе. Возрос интерес к отечественной истории вообще, к художественным произведениям, воскрешающим различные ее этапы. И у нас есть в этой области несомненные удачи.

Где вообще граница между историей и современностью? «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича — разве это не историческая книга-документ? Казалось бы, есть уже немало у нас хороших документальных книг о блокаде, но, думается, еще никому не удавалось с такой силой на строго документальном материале передать самый дух осажденного города, дух страдания и подвига! Но ведь эта страница истории была для нас когда-то живой современностью! Разве можно забыть, например, как сотрудники Пушкинского Дома спасали от всевозможной гибели культурные богатства, накопленные за многие десятилетия, отправляли рукописи Пушкина на хранение в Новосибирск, другую часть рукописного фонда — в Казань? Или как пригласили нас с археологом М. А. Тихановой в Смольный, в отдел науки обкома партии, и поручили нам написать книгу «Оборона древнерусских городов»? Было это в марте 1942 года, боевой опыт предков стал неожиданно актуальным, ибо

лишь в глубоком прошлом оказалось возможным найти аналогию тому испытанию, которое обрушилось на нашу землю: ни в 1812 году, ни в первую мировую войну все-таки не было ничего сравнимого, не стоял с такой остротой вопрос: «Быть или не быть?» Книга была написана и напечатана в кратчайшие сроки, уже осенью того же года ее раздавали бойцам в окопах...

Есть такая опасность во всеобщей увлеченности историей: уход в частности, в колоритный антураж — в ущерб главному. Вот мы пишем и читаем очень много о Пушкине и его времени, о его окружении, потомках. Но не стали ли мы при этом меньше читать... самого Пушкина? Я прочел как-то в аудитории известные строки про птичку божью, которая не знает ни заботы, ни труда, спросил: чьи? Воцарилась тишина, потом кто-то робко произнес: «Плещеев?!» А ведь это песня из поэмы «Цыганы»! Это на читательском уровне. А на уровне научном — как не вспомнить о том, что у нас до сих пор нет полного академического издания Пушкина? Ведь имеющееся издание было выпущено в свое время без комментариев, хотя они и были подготовлены. Нет у нас и пушкинской энциклопедии. Так что перед Пушкиным мы в долгу — пора этот долг оплачивать!

Появление (и определенный даже успех) произведений спекулятивных, написанных якобы на историческом материале со ставкой на сенса-

ционность — явление по-своему тоже показательное: интерес к истории захватывает широкие круги читателей разной степени подготовленности. Не буду в данном случае называть авторов — важно другое, радующее: в последнее время заметно растет интерес к литературе подлинной, например, к сборникам «Памятники литературы Древней Руси», выпускаемым издательством «Художественная литература», к «Слову о полку Игореве» и его переводам.

Проблемы этики, нравственности в науке, норм поведения в научном коллективе очень важны и заслуживают специального разговора. Пока скажу одно: у себя в секторе древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) мы стремимся поддерживать атмосферу делового товарищества, творческого соревнования. Ту самую, при которой спор — явление нормальное. Именно эта атмосфера позволяет успешно работать вместе ученым со столь яркими индивидуальностями, как доктора филологических наук О. В. Творогов, написавший поразительную книгу о русских хронографах, А. М. Панченко, открывший целую школу стихотворцев XVII века, Л. А. Дмитриев — автор книги о первом издании «Слова о полку Игореве», ведущий интереснейшую работу над текстами житийной литературы. Ученый убедительно доказал, сколь сильное влияние фольклора испытал на себе этот «церковный» жанр, сколь глубоко впитал он народные этические и эсте-

тические представления. Доктор филологических наук Р. П. Дмитриева выпустила замечательную книгу о древнерусской «Повести о Петре и Февронии», причем основательно «поправила» меня на ее страницах: я считал, что эта известная повесть относится к началу пятнадцатого века, а она решила, что это шестнадцатый, и даже установила имя автора — Ермолай Эразм.

Нет, не отвлеченную материю, представляющую сегодня лишь исторический интерес, являет собой древнерусская литература! Все, что связано с ней, обретает подчас самую современную остроту. Например, одно время на Западе получила хождение теория, согласно которой древнерусская культура была культурой «интеллектуального молчания». Это была оскорбительная для России теория, хотя, между прочим, первым ее выдвинул русский философ-эмигрант Г. П. Федотов. Но на Западе она нашла поддержку, и тому были свои объяснения. Архитектуру и живопись знали все: они существуют, они наглядны и не нуждаются в переводе. А литературу надо переводить, что весьма трудно. Еще менее, чем литература, была известна музыка. Но ведь все фресковые и иконописные изображения опирались на определенный литературный сюжет, музыка тоже опиралась на слово — она была прежде всего песней, хоровой или индивидуальной. И не безграмотные люди создавали бессмертные иконы и фрески — вспомните хотя бы новгородские берестяные грамоты или ярослав-

скую живопись (среди ее сюжетов можно увидеть столько людей с книгами в руках, столько текстов, заключенных в живописные образы, — как ни в одной культуре мира!).

А если обратиться непосредственно к произведениям древнерусской литературы, мы обнаружим в ней такие черты, как глубокая эмоциональная и интеллектуальная насыщенность, истовая убежденность, стремление в сжатой форме ответить на коренные вопросы бытия, утвердить добро и справедливость. Эти черты перешли потом в творчество великих русских писателей XIX века — Толстого и Достоевского, они продолжают и в советской литературе, вплоть до наших дней. Не буду называть отдельные имена: дело не в них, а в общей тенденции. Или, вернее, традиции. Так можно ли говорить о каком-то «интеллектуальном молчании», в атмосфере которого будто бы жили наши предки?

Есть и другая крайность — восприятие Древней Руси и ее культуры в идиллическом, приукрашенном свете. Восходящая, в конечном счете, к талантливым — не спорю! — стилизациям А. К. Толстого, эта традиция находит приверженцев и сегодня. Именно поэтому меня в свое время, как и еще ранее Н. Н. Асеева, порадовали стихи поэта Виктора Сосноры, который в своем обращении к миру Древней Руси разрушил привычные красоты, эти либерально-дворянские представления о социальном мире, якобы царившем в ту далекую эпоху. Поэт стремился увидеть Русь в живой плоти —

страдающей или радующейся, борющейся, материально конкретной, часто грубой, чувственной, но неизменно жизнелюбивой. При этом общие представления о Киевской Руси в стихах Сосноры поразительно совпадают с тем, что дает нам в своей книге «Люди и нравы Древней Руси» советский историк Б. А. Романов. Это совпадение представлений поэта и историка не случайно. Оно обусловлено тем, что оба они — наши современники: советский поэт и советский историк. Материалистическое мировоззрение, исторический опыт позволили им одинаково истолковать Киевскую Русь, понять ее заботы.

Познать историческую истину, освободить ее от всякого рода легенд — как «черных», так и «розовых» — в этом я вижу важнейшую задачу, решаемую вместе с товарищами по работе, из которых многих я мог бы назвать своими учениками. Как, впрочем, и учителями, ибо все мы учимся друг у друга.

А кого я мог бы назвать своими учителями непосредственно? Здесь пришлось бы привести много имен. И не только университетских профессоров — таких, как В. М. Жирмунский, В. К. Мюллер, Д. И. Абрамович, В. Ф. Шишмарев, В. Е. Евгеньев-Максимов... Но и, скажем, школьный учитель словесности Леонид Владимирович Георг, которому я в наибольшей степени обязан выбором своей профессии. А рядом с ним, как это, может быть, ни удивительно — преподаватель гимнастики (как тогда говорили), который учил нас еще в гим-

назии Мая. Он играл с нами в игры, исподволь воспитывая умение общаться, жить в коллективе.

Меня спрашивают иногда: как я отношусь к исчезновению традиционных русских игр — таких, как лапта, бабки, рюхи? Но беда в том, что исчезают не только русские игры — исчезают игры вообще. Их заменяют танцы или то, что называется танцами. Между тем игра важна: она воспитывает социальность, умение держаться вместе. По вечерам в семье лучше иногда цифровое лото, чем монополия телевизора. В лото играли и взрослые, и дети. Так же, как и в крокет. На Севере долгими зимними вечерами вся семья пела. Это вроде бы о другом. Но хоровое пение — это не только эстетика. Оно нравственно объединяет семью. Вообще Русский Север всегда был хранителем замечательных народных традиций — прежде всего трудовых, но и бытовых, и праздничных тоже. Они создавали ритм жизни, сближали людей — не случайно меньше было тогда того, что сейчас называется «закомплексованностью». Жаль, что с оттоком населения из северных районов страны, а проще говоря, с обезлюдением их, многие из этих традиций забываются.

И все-таки тяга людей к общению, объединению, сопереживанию неувядаема! Пример тому — публичные выступления наших поэтов, их популярность. Казалось бы, зачем эти выступле-

ния в наш век всеобщей грамотности? Достал книжку, раскрыл журнал — и читай себе наедине с собой! Но услышать произведение в чтении автора, причем не обязательно новое произведение, а подчас и знакомое, а то и в особенности знакомое (недаром поэта просят: прочтите то-то и то-то!), — это, оказывается, совсем иное дело! Тут могут быть свои «приливы» и «отливы», но суть от этого не меняется. Недаром на Западе всегда удивляются умению большинства наших поэтов читать свои стихи, подкреплять слово пластикой. Это не пережиток, не атавизм «безграмотного» прошлого, как пытаются иногда представить, а живая народная традиция, которую нужно хранить и беречь. Кто мои любимые поэты, кого я люблю читать и слушать более всего? Затрудняюсь ответить — зависит от настроения, от внутреннего состояния: слава богу, поэтами наша страна небедна и сегодня. В свое время мне довелось слушать Асеева, Ахматову — их чтение помогало глубже понять их поэзию. По времени мог бы слышать Блока. До сих пор мучительно жалею, что не слышал. А понимать Маяковского меня научил великий чтец Яхонтов. Вот что значит звучащее слово!

Из современных поэтов мне по-особенному близок Арсений Тарковский — мне приходилось уже однажды писать о его поэзии как об удивительной чистоты врачевальном искусстве. И его манера чтения была под стать самим стихам: без установки на внешний эффект, строгая, тоже врачующая. А вот чтение Андрея Вознесенского, можно сказать, контрастно его стихам —

взрывным, полным неожиданности: поэт читает завораживающе напевно, и в этом кажущемся противоречии есть свое обаяние.

К слову сказать, и ученому необходимо уметь находить общий язык с любой аудиторией: во время ли публичных выступлений, на страницах ли популярных книг. Иногда встречается пренебрежительное отношение к популяризаторской деятельности. Мне кажется, популяризаторская деятельность очень важна для самого ученого. Ибо она обязывает говорить и писать просто. Когда меня спрашивают, каким должен быть язык литературы — художественной или научной, я обычно отвечаю: простым, ясным. Иначе это не язык, он не выполняет своей основной функции. Простота концепции, допустим, в характеристике различных эпох — один из критериев ее истинности. А способность человека найти необходимую простую и ясную формулировку — один из критериев подлинной интеллигентности.

Об этом слове — интеллигентность, интеллигенция — много спорят. Думаю, что нельзя сводить дело к каким-то внешним признакам. Иногда, например, подлинная интеллигентность не в том, чтобы жадно схватить редкую книгу, а в том, чтобы воздержаться от ее приобретения, если знаешь, что для другого она может оказаться нужнее.

Для меня интеллигентность — это повышенная восприимчивость к культуре, к искусству, деликатность в отношении других людей, принципиальность. И еще: интернационализм.

Я убежден, что национальное в его лучших проявлениях сохранится всегда. Но это не исключает подлинного интернационализма, который заключается в отсутствии национальной спеси.

Кстати, я должен напомнить, что «интеллигенция» — русское слово! Корень — заимствованный, он есть почти во всех европейских языках, но в нынешнем своем значении — социальном, нравственном — слово и понятие «интеллигенция» родилось на нашей земле. А теперь, обогащенное новым смыслом, пришло в европейские и не только в европейские языки.

И еще качество подлинного интеллигента: его жизнь осмысленна. Над смыслом ее он задумывается всю жизнь, не считая, что ответ найден раз и навсегда. О чем и свидетельствует записка, с которой мы начали разговор.

ДРУЗЬЯ СОЗДАЮТСЯ В ЮНОСТИ

Иногда приходится слышать: «Это история, и поэтому в моей жизни значения иметь не будет». Так ли это?

Мне кажется, что тот, кто не интересуется историей, прошлым, обедняет свое настоящее. Из трех делений времени — настоящее, будущее и прошлое — самое ответственное — настоящее, самое манящее — будущее, самое богатое — прошлое.

Настоящее постоянно ускользает, это зыбкая грань между прошлым и будущим, но грань эта действенная и активная. Будущее постоянно

отступает, и к нему мы стремимся. Оно господствует. Прошлое же — это гигантская кладовая культуры, доступная каждому, кто захочет обогатить свое настоящее и обеспечить будущее.

В прошлое непрерывно отходит настоящее, отойдет и будущее. Забывать об этом неразумно. Дело каждого культурного человека уметь извлечь из прошлого то, что необходимо для настоящего и будущего: не только сохранять память прошлого, но создать «обратные токи времени».

Знание истории позволяет по-новому, глубоко, интересно видеть то, что у вас перед глазами. Если даже вы просто идете по улице и знаете, кто жил в этих домах, какие события на этой улице происходили, где (в живописи, в графике, в поэзии и пр.) отразилась, запечатлелась эта улица, то как интересно, как легко (подчеркиваю — легко, даже физически легко) по ней идти! Интересные воспоминания превращают любую вашу ходьбу в прогулку, создают в душе богатую палитру впечатлений, заставляют думать. Возникает целый оркестр воспоминаний, ассоциаций, вы идете как под музыку — легко, свободно. Сохраняемое вами прошлое — ваше личное или вашего города, села, страны — делает человека мудрым, всепонимающим.

А прошлое всегда богато, но только если его знаешь, если умеешь его понимать и если оно заботливо бережено.

Если же говорить о разрыве опыта поколений, то между отцами и детьми всегда существовал и существует некоторый разрыв. Это закон

жизни, и относиться к нему надо спокойно. Но разрыв этот следует уменьшать с обоих берегов. Виноваты бывают и отцы, и дети... Отцы опытнее, и они в первую очередь должны уметь передавать свой опыт, а дети должны внимательно прислушиваться.

Привить юношам и девушкам интерес к истории нельзя путем уговоров и наставлений. Прежде всего надо, чтобы ни один памятник прошлого не находился в небрежении и не вызывал бы одним своим видом мысли о его ненужности. А затем надо писать об истории так, как писали В. Ключевский, С. Соловьев, Е. Тарле и другие «старики». Историк должен быть художником слова. Старые исторические работы — это тоже «кладовая». Но надо создавать и новые работы, на новом уровне, достигнутом нашей исторической наукой, но остающемся недоступным читателям.

Понятие «историческое сознание» вполне правомерно. Одно из главных отличий современных гуманитарных наук — их принципиальный историзм. Историзм позволяет и эстетически понять многое, что иначе казалось бы непонятным или даже наивным. Когда мы подходим к произведению искусства или просто к памятнику прошлого и знаем особенности эпохи, его создавшей, мы лучше его понимаем, ценим и в результате охраняем, оставляя для будущего (охрана прошлого — это прежде всего забота о будущем). Вместе с тем историзм — это осознание себя в истории, своего места и назначения. Взглянуть на себя и на свой труд с пози-

ций будущего — это очень важно. Вместе с тем, понимая прошлое, мы осознаем значение настоящего. Так же точно, понимая чужое, мы начинаем глубже ценить свое. У «своего» появляются широкие границы и во времени и даже в пространстве.

Прошлое и будущее симметричны. Чем шире и «многовековее» мы охватываем прошлое, тем более дальнозорки мы в будущем, тем тверже и увереннее мы движемся в настоящем. А настоящее, как я уже сказал, не неподвижно: эта движущаяся точка, нами самими направляемая от прошлого, которое мы должны знать, в будущее, которое мы должны предугадывать.

Немного о национальных традициях. Я считаю их очень важными.

Владимир Мономах в своем мудром «Поучении детям» восторгался многообразием человеческих лиц. Сколько их в мире, и ни одно лицо не похоже на другое! Люди должны обладать своим неповторимым лицом, но им же должны обладать села, города, страны и нации. Как это ни странно, но именно непохожесть сближает. Схожесть, одинаковость, стандартность оставляют нас равнодушными. Своеобразие же манит, «дразнит», заинтересовывает, заставляет стремиться проникнуть в суть, а в человеческих отношениях вызывает чувство любви. Можно полюбить некрасивое лицо, но нельзя полюбить стандартное лицо — лицо, отштампованное «массовым тиражом», лицо манекена. Чтобы ребенок полюбил куклу — кукле он дает имя, считает ее своей и «единственной».

Поэтому человек должен изучать себя, свои склонности и, если они хорошие, стремиться развивать их в себе.

Национальные традиции также следует изучать и сохранять. Национальное своеобразие сближает нации, а не разъединяет их. Мы отправляемся к другим народам, чтобы увидеть их индивидуальность, «непохожесть» и в этой «непохожести» увидеть вечную красоту.

К сожалению, приходится признать, что многие замечательные традиции утрачены. Люди перестают петь...

В моем детстве семьи пели — пели при наступлении сумерек, когда уже нельзя работать, но еще рано зажигать лампы и надо было экономить керосин и свечи. Пели, когда приходили гости. Теперь предпочитают пассивно слушать музыку, сохраняемую в виде «консервов» (магнитофонные ленты, пластинки) или передаваемую по радио.

Перестала петь и деревня. Что-то неправильное есть в организации самодеятельных народных хоров. Возникает народный хор, а через два-три года он становится вовсе не народным и усваивает извне поручаемый ему репертуар, да и манера пения меняется.

Исчезла замечательная русская протяжная песнь — лучший жанр наших песен. Почему? Слишком она печальная? Но разве печали нет и не будет? Ведь люди умирают, хворают, расходятся и разводятся, покидают иногда родные места, вспоминают не только счастливое, но несчастливое, грустное. И человеку необходима в этих случаях печальная песнь, созвучная его личному горю. Какая песнь утешит

в горе? Оптимистическая? Нет, веселая песнь только для веселых случаев. Нужен полный диапазон русских народных песен.

Снова вспоминаю о годах учебы в Ленинградском университете. Вспоминаю, что в 1923 году попал я в разновозрастную среду. Студенты тогда были очень разные: и только окончившие школу, и пришедшие с фронтов гражданской войны. И все тогда спорили, вырабатывали свои взгляды, думали об общем больше, чем о себе. Большинство писали стихи, многие соединяли учение с работой (стипендий не было). Студенты тогда не довольствовались посещением обязательных лекций и семинаров — искали интересных профессоров и ходили на лекции не «по программе».

Что касается современного студенчества, то я давно перестал систематически преподавать в вузах и знаю студентов только по тем из них, которые приходят в аспирантуру. К сожалению, мне встречались студенты очень «практичные», которые думали прежде всего о своей карьере. Некоторые, когда им было выгодно, выступали даже против своих учителей (это были отщепенцы, их было немного, но все же они были). Сейчас очень много студентов, думающих не только о пользе для себя, но и о пользе для многих, искренне любящих науку, увлекающихся своей специальностью и своими темами. Это очень радует.

Мне бы хотелось пожелать им быть сильными в добре, никогда не изменять своим добрым принципам, помнить, что ни один проступок не

проходит бесследно и что можно легко испортить себе жизнь, погубить свою совесть, позабыть честь, гоняясь за временной, мимолетной удачей.

Хотелось бы дать молодым читателям несколько советов о том, как работать с книгой.

С разными книгами надо работать по-разному: одни книги надо штудировать, конспектировать, изучать, читать повторно, читать для удовольствия. С другими надо только знакомиться, знать об их существовании. С третьими и знакомиться не нужно. И этот, третий сорт книг — самый трудный. Самое трудное заставить себя не читать то, без чего вполне можно обойтись. Не слишком следует гоняться за модным чтением. Модное быстро выходит из моды. Надо читать то, что проверено временем. Свою библиотеку не надо делать слишком большой; не надо заполнять ее книгами «одноразового чтения». Такие книги надо брать в библиотеке. Дома должны быть книги повторного чтения, классики (и притом любимые), а больше всего справочники, словари, библиография. Они могут иногда заменить целую библиотеку. Обязательно ведите собственную библиографию и на карточках этой библиографии отмечайте, что в этой книге кажется вам важным и нужным.

Вас интересует, какими качествами должен обладать выпускник вуза? Разумным оптимизмом. Он должен уметь с готовностью и достоинством

вом переносить все жизненные трудности, без которых не проживешь и без которых, в конце концов, жизнь была бы пустой.

Меня очень волнует отсутствие патриотизма у некоторой части нашей молодежи, с одной стороны, и подмена патриотизма узким местничеством — с другой.

Патриотизм же, соединенный с интересом и любовью ко всем нациям, — неременное условие нормального здоровья ума и сердца. Ибо для человека естественно любить свою семью, свое село и город, свою страну и ее народ, а также своих соседей, другие народы и весь земной шар — нашу большую родину.

Становясь студентом, человек входит в самостоятельную жизнь, и все, что нужно в самостоятельной жизни, нужно и студенту-первокурснику.

Но один совет я бы все же выделил как специальный: вопрос первокурсника — с чего начать. Прежде всего установите товарищеские отношения со всеми своими коллегами.

Будьте хорошим, честным, прямым и добрым товарищем, именно товарищем.

Это запоминается на всю жизнь.

Те, с кем вы учитесь на первом курсе, будут вас так или иначе сопровождать всю жизнь. Их мнение о вас будет всегда и для всех самым авторитетным (ведь вы вместе учились — «пуд соли съели»). Ваши товарищи по курсу — вот

кто создаст вам репутацию на всю жизнь.
Помните это!

Друзья создаются в юности. Затем становится все труднее и труднее подружиться. Помните и это.

ПОВЫШАТЬ УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ

В жизни есть какой-то уровень счастья, от которого мы ведем отсчет, как ведем отсчет высоты от уровня моря.

Так вот, задача каждого человека и в крупном, и в малом повышать этот уровень счастья, в жизни повышать. И свое личное счастье тоже не остается вне этих забот. Но главное — счастье окружающих, тех, кто ближе к вам, чей уровень счастья можно повысить просто, легко, без забот. А кроме того, это означает повышать уровень счастья своей страны и всего человечества в конце концов.

Способы могут быть различными, но для каждого что-то доступно. Если недоступно решение государственных вопросов, что всегда повышает уровень счастья, если они мудро решаются, то хотя бы в пределах своей семьи, в пределах своего рабочего окружения, в пределах своей школы, в пределах окружения своих товарищей и знакомых можно повышать уровень счастья. Ведь у каждого есть такая возможность повышать созидательное начало в жизни.

Жизнь — прежде всего творчество, но это не значит, что каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной и уче-

ным. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются, ауру добра вокруг себя. Ведь вот любопытная вещь: когда кто-то входит в общество, то он может принести с собой атмосферу подозрительности, тягостного молчания, а может сразу внести радость и свет. Вот это и есть творчество. Оно беспрерывно.

ДЕРЖАТЬ СЛОВО

Первобытных людей безосновательно считают грубыми, жестокими, грязными. Если потому только, что они были ближе, чем мы к животному миру, то ведь животные чисто-плотны, обладают исключительным пониманием друг друга, приверженностью к своим обычаям и т. д.

Я думаю, что у первобытных людей был великий фольклор, прекрасная травяная медицина, умение делать хирургические операции, богатые обычаи и свои празднества, а между собой они умели держать слово, были нежны к детям и щедры. Леви-Брюль говорил, что «первобытные люди очень часто дают доказательства своей поразительной ловкости и искусности в организации своих охотничьих и рыболовных предприятий». Сказано тяжело, но верно.

Обаятельный образ Франциска Ассизского связан с нищетой. И то же — Сергей Радонежский. Но Франциск — нищенствующий святой, а Сергей — нищий крестьянин. И в этом существенное различие.

Сергий сам плотничал, ставил кельи, таскал бревна, носил воду в двух водоносах, пек хлебы, сам шил одежду и тачал обувь — делал всю черную работу и даже нанимался плотничать за гнилые хлебы. Когда слава его прошла уже по всей Руси, он все же не изменял своего трудового образа жизни. Именно поэтому он получил в народе огромную славу и непререкаемый авторитет, с которым вынуждены были считаться самые верхи московского государства и русской церкви.

Приходившие к нему на поклонение люди принимали его за простого работника и не хотели верить, что перед ними прославленный во всей Руси игумен. К нему приезжает сам великий князь Дмитрий Донской за советом и помощью. И помощь его действенная. Когда нижегородский князь Борис не покорился Москве, по слову Сергия были затворены в Нижнем все церкви, и Борис, опасаясь народа, вынужден был покориться. Дмитрию Донскому перед выступлением в поход против Мамая Сергей дает в войско двух иноков, веля им сражаться. Это было против церковных обычаев, запрещавших инокам воевать. Тем самым Сергей освятил поход против Мамая как святое дело и способствовал подъему духа в войске Дмитрия.

ЧЕЛОВЕК-ТВОРЕЦ

Можно ли выскочить из своей эпохи в своем мировоззрении? Конечно, нет. Всякая попытка вернуться в какое-либо столетие или перескочить далеко вперед — в будущее — невозможна. Человек живет в своей эпохе, в свои годы, и только в свои. Но это не означает, что он должен слепо следовать за эпохой, за господствующим мировоззрением.

Человек обладает свободной волей и обязан выбирать, обязан создавать новое. Он — творческое существо. Если он перестанет быть творческим существом и быть устремленным в будущее (свое и своей страны), он перестает быть Человеком.

В жизни надо уметь парить над эпохой и в эпохе, выбирая те воздушные течения, которые идут снизу вверх, или, в какие-то моменты, скользить по воздуху, не падая.

«БИОГРАФИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ»

Жизнь человека — это не отдельные события, связывающиеся в незакономерную последовательность, а своего рода организм, «биографическое целое». Поступки и события — звенья цепи, имеющей свою форму, свою одухотворенность и свою индивидуальность.

Существует индивидуальность — как человек, и есть индивидуальность — как его жизнь. Последняя зависит от первой, но обе — законченные цельности. И человек должен это знать, а не жаловаться («не повезло в жизни»).

«ТАЛАНТЫ РЕДКИ, И ИХ НАДО БЕРЕЧЬ И ОХРАНЯТЬ»

Талант — это единственное в человеке, что всегда работает на своем уровне. Можно быть прилежнее или ленивее, аккуратнее или неряшливее, работать больше или меньше. Но нельзя преподавать, исследовать, писать более талантливо, чем ты способен, да и нельзя — и на менее низком уровне. Можно вообще не работать, но это другой вопрос. Вот почему так важно замечание В. И. Вернадского в его «Страницах автобиографии»: «Таланты редки, и их надо беречь и охранять».

Бездарность стремится поучать, талант — подавать пример. Но если у таланта отнять время, то и талант будет больше поучать, чем учить примером.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Термин «мещанство» идет от Герцена, который разумел под ним коллективную посредственность, умеренность и аккуратность, ненависть к яркой индивидуальности. Подобного понятия нет в других языках. Уж очень ненавистно было всегда мещанство в России. Поэтому и утвердилось это понятие.

«ДАЕТСЯ СУДЬБОЙ»

Одно из самых ценных человеческих качеств — индивидуальность. Она приобретается от рождения, «дается судьбой» и развивается искренностью: быть самим собой во всем — от выбора профессии до манеры говорить и до походки. Искренность может быть в себе воспитанная.

СОВЕСТЬ И ЧЕСТЬ

Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на некоторые различия между совестью и честью.

Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть всегда исходит из глубины души и совестью в той или иной мере очищается. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной (крайне редко). Но представления о чести бывают совершенно ложными, и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезли такие несвойственные нашему обществу явления, как понятие дворянской чести, но «честь мундира» остается тяжелым грузом. Точно человек умер, а остался только мундир, с которого сняты ордена. И внутри которого уже не бьется совестьное сердце. «Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных

строек, бороться с охраняющими памятники обществами («наша стройка важнее», и т. д.). Примеров подобного отстаивания «чести мундира» можно привести много, начиная с Академии наук СССР, настаивавшей на явно неудачных и крайне расточительных проектах (например, частичного поворота стока северных рек, строительства загрязняющих Байкал сооружений и пр.).

Честь истинная — всегда в соответствии с совестью.

Честь ложная — мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее, чиновничьей) души.

БОЛЬШАЯ ЦЕЛЬ

Кто-то сказал: живи так, как если бы ты должен умереть сегодня, и одновременно так, как если бы ты был бессмертен; работай так, как если бы культура только росла и развивалась и, одновременно, так, как если бы она погибнет завтра.

Это значит: надо и завершить свою жизнь достижением единой большой цели, и заканчивать каждый день, сознавая, что ты что-то сегодня сделал доброе.

ЗАВОЕВАННОЕ СЧАСТЬЕ

...Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.

.....
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнее слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Счастье может быть только боевое — только завоеванное нами. Вечного, постоянного счастья не бывает. Нельзя быть счастливым, когда есть страдающие. Но можно быть счастливым чем-то, что сейчас добыто, получено. Диктор телевидения в одной из передач останавливал людей на улице и спрашивал: в чем, по-вашему, состоит счастье? В ответ миллионы людей слушали детский лепет. Что-то вроде того: «Счастье, это когда в доме достаток и на службе хорошо». Или: «Счастье — это когда мои девочки подрастут красивыми, здоровыми и хорошо выйдут замуж». Это все мещанство. И даже когда большие люди твердили: «Это гармония между чем-то и чем-то» — не далеко ушли.

Счастливым можно быть только короткий промежуток времени чем-то достигнутым, а после начинаются новые заботы, ибо, повторяю, нет счастья ни для кого, пока есть несчастье рядом.

«БО́ЛЬШАЯ ПОЛОВИНА СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА — В СЕМЬЕ»

Василий Васильевич Розанов писал: «Бо́льшая половина счастья человека — в семье». Вот почему выбор мужа и жены — шаг перво-степенной важности для человека. Выбрать мужа — это выбрать семью, и притом на всю жизнь. Выбирать нужно не только мужа, но отца будущих детей, в какой-то мере и круг знакомств, интересов (они должны быть общие в семье).

Надо помнить, что привычки в семье имеют огромное значение, а привычки, образ жизни создаются в детстве, в семье мужа. Значит, если с детства он привык к беспорядочному образу жизни, беспорядок в будущей жизни и останется. Если был бездельником, то труд для него так и останется докучной обязанностью — не более. Дрался в детстве — будет драться и в семье, бить детей.

Выбирать надо не только мужа и отца, главу семьи, но выбирать надо и семью мужа: общение с ней — прямое и косвенное — будет постоянным.

